

Л. А. ДМИТРИЕВ (Ленинград)

**ЛИТЕРАТУРНО-КНИЖНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИТРОПОЛИТА
КИПРИАНА И ТРАДИЦИИ ВЕЛИКОТЪРНОВСКОЙ
КНИЖНОЙ ШКОЛЫ**

Ученик Феодосия Търновского и друг и сподвижник, в ученические годы своей жизни, Евфимия Търновского, Киприан, занявший в конце XIV — начале XV вв. кафедру митрополита Московского и всея Руси, как писатель неоднократно привлекал к себе внимание исследователей. Последней работой, в которой этому вопросу уделено много места, является диссертация Невяны Дончевой-Панайотовой.¹ Но литературная деятельность Киприана столь обширна и значительна, что она еще неоднократно будет являться предметом пристального изучения.

Киприан относится к числу тех редких писателей Древней Руси, от которых сохранились сочинения самого разнообразного характера. Это дает возможность проследить на творчестве одного и того же автора зависимость его стиля от жанра произведений. До нас дошли рукописные сборники, переписанные Киприаном, мы имеем сведения о его переводческой деятельности, сохранились его послания и поучения, исследователи русского летописания установили, что он играл большую роль в летописном деле на Руси, он автор нескольких молитв, наконец, перу Киприана принадлежат Житие митрополита Петра, Служба этому святому и Похвальное слово ему. Все эти разнообразные аспекты книжно-литературной деятельности Киприана заслуживают самого пристального внимания. Однако ниже я остановлюсь лишь на посланиях и поучениях Киприана и на Житии Петра и Похвальном слове ему, при этом, очень кратко на посланиях и поучениях и более подробно на двух других произведениях.

В поучениях по литургическим вопросам (Почтение новгородскому духовенству, Наставление псковскому духовенству, Ответы игумену Афанасию) можно выделить два стилистических слоя. В тех случаях, когда Киприан касается вопросов конкретной церковно-религиозной практики, его речь носит деловой характер, отличается лексической и синтаксиче-

¹ Н. А. Дончева-Панайотова. Търновската книжовна школа и Русия в края на XIV и началото на XV век. Киприан и Григорий Цамблак. Автореферат. Велико Търново, 1974.

ской простотой. Те же места в поучениях Киприана, где он обращается к более общим вопросам, приобретают риторическую окраску, язык и стиль их усложняется, приводятся цитаты из святоотеческой литературы.

До нас дошло четыре послания Киприана личного характера. Все они связаны с борьбой его за митрополичью кафедру и относятся к 1378—1379 г., три из них адресованы к игуменам Троицкого и Симоновского монастырей Сергию и Феодору, четвертое — неизвестному лицу.² Первое, третье и четвертое послания рассчитаны на то, что они будут прочитаны только адресатами. Эти послания невелики по объему, в них ярко выражено настроение автора, его душевные переживания. Язык их отличается простотой, стиль носит разговорный характер. Вот, например, отрывок из 4 послания: „Буди ти сведомо, сыну: еду к Царюгороду коньми на Волошьскую землю. Мне не хотелось от своих детии нигде не бывати, да что взяти! Кто мене в труд путный вложил в сее время. Господь Бог пак да подасть ему познати истину“.

Иной характер второго послания Киприана. Хотя оно и адресовано, как 1-е и 3-е, Сергию и Федору, но рассчитано на широкий круг читателей и слушателей (об этом, в частности, свидетельствуют заключительные слова его о том, что „кто покусится сию грамоту сжести или затаити“, тот будет проклят). В этом послании Киприан отстаивает свое право на русскую митрополию, обличает незаконность притязаний на митрополичий стол своего соперника Мития, придает широкой огласке унижительное обращение с ним в Москве, когда он прибыл туда в 1378 г., чтобы предъявить свои права на русскую митрополию. Цель послания — обличение врагов и защита своих действий — и то, что оно было обращено ко многим, определило его стиль. Это послание Киприана написано с большим пафосом, пестрит цитатами из церковно-канонических текстов, для него характерно обилие риторических вопросов. Оно должно было производить сильное впечатление на слушателей своей эмоциональностью, эрудированностью автора в установлениях канонического права, красочностью описания тех невзгод, которые пришлось претерпеть автору. „Вы же, иже мира отреклися есте и иже в мире и живете единому Богу, како, толику злобу видов, умолчали есте? Аще хотите добра души князя великого и всей отчине его, почто умолчали есте? Растерзали бы есте одежи своя, глаголали бы есте пред цари не стыдяся: аще быша вас послушали, добро бы, аще быша вас убили — и вы святи!“; „Он же пристави над мною мучителя, проклятого Никифора. И которое зло остави, еже не одея над мною? Хулы и наругания, и насмехания, грабления, голод! Мене в ночи заточил нагаго и голоднаго, и от тоя ночи студени и нынеча стражу.“

Стиль второго послания Киприана к Сергию и Федору свидетельствует о незаурядном писательском таланте его автора, искусно пользовавшегося риторическими приемами. Второе послание Киприана предшествовало таким замечательным памятникам этого жанра древнерусской литературы, как Послание Вассиана Рыло на Угру, послания Иосифа Волоцкого, послания Ивана Грозного.

² Эти послания Киприана включены в Кормчую XV в. (ГПБ, Соловецкое собрание, № 858). Все они опубликованы: Православный собеседник. Казань, 1860, ч. 2, с. 75—106.

Различия стилистического построения посланий в зависимости от их целей показывают какое большое значение придавал Киприан вопросам стиля и языка, „филологическому“ оформлению своих писаний. Наиболее наглядными, однако, для понимания характера литературного творчества Киприана являются написанное им Житие митрополита Петра, давно известное в науке, и Похвальное слово Петру, обнаруженное и атрибутированное Киприану в 1973 г. Невяной Дончевой-Панайотовой.

В основе киприановского Жития митрополита Петра лежит первоначальное Житие этого деятеля русской церкви, написанное неизвестным автором москвичем в 1327 г.³ Анализируя литературные особенности киприановского Жития Петра,⁴ в сопоставлении их с первоначальным Житием Петра и некоторыми житийными памятниками конца XIV — начала XV в., устанавливаю, что „киприановское Житие Петра с литературной стороны написано искусно, но по стилю и своим языковым особенностям не идет в русле памятников второго южнославянского влияния“⁵. Этот вывод в настоящее время, как мне представляется, требует пересмотра и уточнения. Вернее будет говорить, что Киприан написал свое произведение в традициях Тырновской литературной школы, но риторические приемы панегирического стиля в Житии Петра употреблялись им весьма умеренно. Ряд характерных для стиля „плетения словес“ поэтических троп и фигур могут быть отмечены в этом сочинении Киприана.

Во многих местах памятника мы наблюдаем определенную ритмичность благодаря употреблению глагола-сказуемого в нескольких смежных предложениях в одинаковой форме и во одинаковых положениях либо в начале, либо в конце предложения: „И ту жилище себе в о д р у ж а е т, и труды многы по де м л е т ь и болезни к болезнею при ла га е т, и поты про ли ва е т ь, церковь воз д ви жа е т“⁶.

Часто употребляются Киприаном однокоренные слова, стоящие рядом: „В и де в и де н и е та ко в о“, „с при ле жа н и е м е му при ле жа щ у“, „д е р з н у д е р з о с т и ю“, „И в малых днех царствующаго града и з ы до х и божиим поспешением и угодника его Петра чудотворца и море пре и до х, и Руския земля до и до х. При и до х и поклонихся гробу его.“

Употребляет Киприан и такой характерный для стиля „плетения словес“ прием, как прием „удвоения“, сущность которого вскрыл Д. С. Лихачев: „т о м и м ь и п р и в л а ч и м л ю б о в и ю“, „у ч и т е л я т о г о и п а с т у х а з е м л и Р у с к о й“, „д ь я в о л . . . в р а г и р а т н и к“, „И всеми убо ч т о м у и с л а в и м у . . . и в с и с л о в о и у ч е н и е е г о п р и и м а х у“. В последнем примере стоящие рядом удвоения переплетаются в своеобразный словесный узор.

В традиционных для агиографии местах Киприан пользуется традиционными этикетными житийными формулами типа „не мощно бо граду

³ В. А. Кучкин. Сказание о смерти митрополита Петра. — ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, с. 59—79.

⁴ Л. А. Дмитриев. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.). — ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., 1963, с. 215—254.

⁵ Там же, с. 253.

⁶ Великие Четьи-Минеи. Декабрь. Дни 18—23. М., 1907, стб. 1620—1646.

укрыться на горе добродетели стоящу“, „ко трудом труды прилагаше и данный ему талант во сто хотя умножити“ и т. п. Неоднократно обращается он к цитации из текстов Священного писания.

Приведенные примеры свидетельствуют о близости стиля киприановского Жития Петра к стилю „плетения словес“, но, как уже отмечалось выше, приемами этими автор пользуется осторожно, не пересыщает ими текст, не создает усложненных конструкций. И объясняется это не тем, что Киприан недостаточно мастерски владеет этими стилистическими приемами, а зависимостью стиля произведения от поставленных автором задач.

Исследователи русской агиографии давно обратили внимание на публицистическую направленность киприановского Жития Петра. В.О. Ключевский писал: „Святитель (Петр — Л. Д.), которого вся Русь призывала в молитвах, прошел через те же смуты русской церковной жизни, от которых нравственно и материально потерпел Киприан. Рассказать об этом значило для Киприана стать под защиту великого имени, осудить враждебные стремления и избежать необходимости разбирать собственные действия, о которых хотелось молчать“⁷. Рассказывая о Петре, Киприан соотносил жизненный путь первого московского митрополита, его борьбу за митрополичью кафедру со своей собственной судьбой, с обстоятельствами своей борьбы за титул митрополита Московского и всея Руси. Повествование о жизни Петра становилось для Киприана в значительной мере автобиографичным, приобретало значение текста, возвеличивавшего самого Киприана. Этот публицистический и полемический характер произведения отодвинул на второй план прокламированную самим же Киприаном в начале Жития мысль о необходимости придать рассказу о Петре достойную этого святого литературную форму, ибо „неправедно“, говорит Киприан, „такового святителя венец не украшен некако ставити“. Характер создаваемого Киприаном жития и определил меру использования автором в этом произведении приемов стиля „плетения словес“. Убедительным подтверждением объективности таких заключений является Похвальное слово Киприана митрополиту Петру.

Задача этого произведения Киприана заключалась уже только в похвале святому, что и определило стилевые особенности данного памятника. Здесь Киприан в полной мере проявил свое мастерство в искусстве „плетения словес“. Для этого сочинения Киприана в значительной степени характерна экспрессивность и эмфатичность, наличие всевозможных приемов, специфичных для панегирического стиля, при этом здесь они носят усложненный характер.

Как уже установила Н. Дончева-Панайотова, в Похвальном слове повторяются отдельные куски киприановского Жития Петра. Но примечательно, что в Похвальном слове эти повторения усложняются риторическими вставками. Так, например, рассказ о чудесном видении матери Петра, повторяющий соответствующее место Жития, в Похвальном слове прерывается таким восклицанием: „Тем же и блажена еста, о превхвалная версто, о добраа супруга, о блаженое съчтание, о святое порож-

⁷ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 86.

дение, о честнаго корени святаа отрасль, блажени есте и преблагени, сподобльшеися быти таковому отроку родителне⁸.

В Похвальном слове Киприан часто прибегает к риторическим вопросам и восклицаниям. Рассказав о предсказании Петром будущей славы Москвы, Киприан раздражается целой тирадой риторических вопросов: „Что убо, не удивим ли ся пророчеству его святого? Не сбыша ли ся вся сия? Не скончя ли ся реченнаа о тебе, преславный град Москва? Не распространиша ли ся страны земля твоя? Не възыдоша ли руки твоя на плеще враг твоих?“

В экспрессивно-эмоциональном стиле очень часто употребляются длинные ряды перечислений. Д. С. Лихачев отмечает, что перечисления эти в панегирических памятниках должны подчеркнуть превосходную степень описываемого явления, показать многочисленные добродетели святого, его подвиги. Длинные ряды перечислений широко используются Киприаном в Похвальном слове: „Бе бо мужь смирень и целомудр, благоговеин, нищелюбивь, страннолюбивь. Иже есть отцем отец, мнихом начяльник, постником похвала, мльчяльником удобрение, молитвеник благопослушлив, чистоте рачитель, целомудрия образ. И бысть многым на успех и всех к спасению приводя.“

Для еще большего подчеркивания перечислений составляющие эти ряды периоды начинаются с одинаковых слов. Эти единоначатия, как отмечает Д. С. Лихачев, делают перечисления более заметными, заостряют на себе внимание читателя и слушателя. В Похвальном слове Петру такого рода прием встречается неоднократно: „Петр, добля благочестия ветвь, Петр, апостольский ревнитель, Петр, церковное утверждение, Петр, еретический обличитель, Петр, благоверия проповедник“; „Виде ли тръпения стльп, виде скровище духовное, виде ли трудоположнику велика, виде ли твердаго адаманта, виде ли пустынное възпитание?“

Перечисление синонимов в градации их значения усиливает экспрессивность текста, заостряет его смысловое звучание. В обширном перечислении в конце Похвального слова всех заслуг и добродетелей Петра Киприан употребляет такой пассаж: „с л а д к а я душамь снеди, п р е д с л а д к о е устнамь пиво, с л а д ч а й ш а я церквамь пчело“. В этом же перечислении Киприан пользуется словосочетаниями, где в единстве выступают противоположные по своему значению понятия, что придает особую экспрессивность, особую значимость заложенной в них мысли: „трезвения чаше. . . богатство нищелюбия“. Вообще, в этом заключающемся Похвальном слове перечислении добродетелей Петра Киприан пользуется вычурными эпитетами, сложными сравнениями: „Радуйся светозарное солнце. . . радуйся просвещение Русьския земля. . . медоточный кладязю. . . благоуханный крине. . . твердое основание славному граду Москве. . . книжныя пища трапезо. . . масло, умягчавающее сетование мудрованием, гусли благочестия, соплю наказания. . . возглашение покаяния. . .“

Итак, мы видим, что в Похвальном слове Петру Киприан с большим искусством пользуется сложными приемами „плетения словес“. Как совершенно справедливо отмечает Невяна Дончева-Панайотова, „Похваль-

⁸ Текст Похвального слова цитируется по списку — ГПБ, собр. Погодина, № 866, лл. 135 об. — 148.

ное слово Петру убедительно иллюстрирует тесную связь его автора с традициями Тырновской книжной школы⁹.

Литературное творчество Киприана свидетельствует как мастерски владел он словом, какое большое значение придавалось им стилистическому оформлению произведения в зависимости от жанра произведения, тех задач, которые ставились в нем. Стилистические особенности дошедших до нас сочинений этого воспитанника Тырновской книжной школы являются веским доказательством справедливости утверждения Д. С. Лихачева об исключительной искусности стиля „плетения словес“, о творческом значении этого стиля, о его не формальном, не механическом характере, о том, что стиль этот требовал от авторов личной изобретательности, высокого филологического чутья.

В связи с обнаружением в последнее время новых материалов, связанных с книжно-литературной деятельностью Киприана, в заключение я позволю себе кратко остановиться на некоторых вопросах литературной истории Жития Митрополита Петра.

Еще в 1887 г. Ст. Шевырев в своей „Истории русской словесности“ без каких-либо обоснований время написания Киприаном Жития Петра датировал 1381-м годом. В своей статье „Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы“ я привел ряд соображений, позволяющих принять именно эту датировку, хотя на основе древнерусского „Сказания вкратце о премудром Киприане митрополите Киевском и всеа Русии“¹⁰, где говорится, что Киприан написал Житие Петра в селе Голенищеве (в этом митрополичьем селе под Москвой он подолгу бывал в последние годы своей жизни), большинство исследователей относили время создания этого произведения к периоду с 1397 по 1404 г. Убедительным подтверждением того, что киприановское Житие митрополита Петра было написано во всяком случае не позже 80-х гг. XIV в., является список этого Жития ГИМ, собр. Уварова № 2045 (613), на который впервые обратила внимание Невяна Дончева-Панайотова. Здесь имеется запись писца, дьяка Василко, датирующая время переписывания им этой рукописи 1390-м годом.

Совсем недавно, в 1975 г., Г. М. Прохоровым был обнаружен в Харьковской государственной библиотеке им. В. Г. Короленко пергаменный сборник западно-русского происхождения, в котором находится киприановское Житие Петра. На основе кодикологического и текстологического анализа этого сборника Г. М. Прохоров пришел к заключению, что над ним работали три писца и, по-видимому, под непосредственным руководством Киприана. При этом Г. М. Прохоров атрибутирует Киприану в этом сборнике еще одно, ранее неизвестное, произведение — перевод предрождественского „Последования часовом“, приспособленный к русским условиям. Г. М. Прохоров датирует время составления обнаруженного им сборника 80-ми годами XIV в.¹¹

⁹ Н. А. Дончева-Панайотова. Указ. соч., с. 23.

¹⁰ ПСРЛ, т. XXI, ч. 2. СПб., 1913, с. 440—441.

¹¹ Г. М. Прохоров любезно предоставил мне возможность ознакомиться с его исследованием Харьковского сборника до опубликования этого исследования в печати. Оно будет напечатано в одном из очередных выпусков ежегодника „Памятники культуры. Новые открытия.“

Хочу сделать несколько предварительных замечаний текстологического характера в связи с находкой Харьковского списка Жития митрополита Петра. Оговарюсь, что я опираюсь на данные только Харьковского и Уваровского списков и на опубликованные тексты Жития Петра — в Великих Четых-Минях и в Степенной книге царского родословия.

Текст Жития Петра в Харьковской рукописи полностью совпадает с текстом Уваровского списка, но в Уваровском, по сравнению с Харьковским, много ошибочных чтений и искажений. Текст Жития в этих двух списках тождествен тексту Жития Петра в Степенной книге и отличается от текста, включенного в ВЧМ. Можно говорить, что перед нами две редакции киприановского Жития митрополита Петра, при этом редакция, представленная в ВЧМ, отличается от другой редакции (известной нам по 2-м спискам XIV в. и Степенной книге целым рядом дополнительных чтений). Предварительное сопоставление между собой этих двух редакций не дает пока возможности утверждать — где первоначальный текст; с одной стороны, ряд чтений в ВЧМ можно расценивать как дополнения, распространения более краткого текста, представленного другой редакцией, с другой стороны, некоторые чтения в редакции, представленной списками XIV в. и Степенной книгой, есть основания расценивать как сокращения не только более полных, но и более верных чтений, даваемых редакцией в ВЧМ. Удовлетворительно ответить на эти вопросы можно будет лишь после полного текстологического анализа всех выявленных списков киприановского Жития Петра.

Характер различий между обеими редакциями таков, что вполне возможно принадлежность их одному автору — Киприану. Может быть, в сообщении „Сказания вкратце о Киприане“ о работе Киприана над Житием Петра в селе Голенищеве, имеется в виду не сочинение им заново этого Жития, а составление новой редакции этого произведения на основе своей же собственной, более ранней редакции его.

Итак, мы можем сказать, что литературное творчество Киприана заслуживает дальнейшего пристального изучения. Находки и открытия, сделанные за последнее время, свидетельствуют о том, что и в дальнейшем вполне вероятны и находки новых сочинений Киприана, и новые выводы и наблюдения о его роли и значении в истории древнерусской и древнеславянских литератур.